

И. Мансветов

**Митрополит Киприан в его
литургической деятельности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Мансветов**
Митрополит Киприан в его литургической деятельности / И. Мансветов – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 246 с.

ISBN 978-5-4241-9041-4

ISBN 978-5-4241-9041-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О трудахъ Митрополита Кипріана по части богослуженія.

Дѣятельность Митрополита Кипріана принадлежитъ замѣчательной эпохѣ въ исторіи церковнаго устава и стоитъ въ тѣсной связи съ литургическими движеніями, которыя въ то время происходили на востокѣ и отражались измѣненіями въ составѣ и строѣ тогдашняго обряда. Кипріанъ особенно чутко слѣдилъ за этими движеніями и больше, чѣмъ кто либо другой изъ русскихъ церковныхъ дѣятелей, имѣлъ возможность наблюдать и переносить ихъ результаты на русскую почву. Постоянныя сношенія съ Константинополемъ и тѣсныя личныя связи съ патріархомъ Филоеємъ (оставившимъ по себѣ такой видный слѣдъ въ тогдашней литургической письменности), ставили его лицомъ къ лицу со всѣмъ, что выработывалось въ этомъ центрѣ тогдашняго церковнаго міра и выходило отсюда съ авторитетомъ общепринятаго церковнаго порядка. Далѣе, ему былъ какъ нельзя лучше извѣстенъ Аѳонъ, гдѣ онъ провелъ годы своей ранней молодости и получилъ религіозное и книжное образованіе. А извѣстно, что Аѳонъ тогдашняго времени былъ великою культурной и церковной силой. Онъ былъ школою, изъ которой выходили тогдашніе лучшіе дѣятели и нѣсколько патріарховъ, заявившихъ себя почтенными трудами въ области ли-

тургической. Здѣсь выработались и нашли себѣ твердую почву разныя формы монашескаго быта, начиная общежитіемъ до идиорритмовъ и келліотовъ, а это обстоятельство повліяло на обработку устава и на образованіе келейнаго монашескаго правила. Наконецъ, въ этой монашеской колоніи сошлись представители со всѣхъ концовъ церковнаго міра: Греки, Славяне, Грузины, Арабы, Армяне. Каждая изъ этихъ національностей имѣла здѣсь свои монастыри, свои мѣстные культурные центры, изъ которыхъ аеонскіе обычаи и порядки разносились въ метрополию. Киприану было хорошо извѣстно и состояніе церковной жизни въ земляхъ славянскихъ — Болгаріи и Сербіи, — съ которыми онъ былъ связанъ родственными отношеніями. Откуда онъ былъ родомъ: изъ Болгаріи или Сербіи — для насъ, въ данномъ случаѣ, безразлично, и самая неопредѣленность этого вопроса можетъ служить доказательствомъ особенной его близости къ этимъ обѣимъ странамъ.

Поставленный въ такія близкія отношенія къ главнымъ пунктамъ тогдашняго церковнаго міра, Киприанъ имѣлъ полную возможность воспользоваться результатами тогдашняго положенія дѣлъ и перемѣстать на русскую почву то, что еще не успѣло перейти отсюда въ нашу практику. Въ своей литургической дѣятельности онъ является именно такимъ компиляторомъ тогдашнихъ греко-славянскихъ порядковъ, съ которыми успѣлъ хорошо ознакомиться книжнымъ путемъ, или по личному опыту.

Литургическимъ вопросомъ первой важности для тогдашней русской церкви былъ церковный уставъ. Извѣстно, что впервые онъ былъ принятъ у насъ въ студійской редакціи и введенъ преи. Θεодосіемъ въ Печерскомъ монастырѣ. Въ то время и въ Константинополѣ это былъ наиболѣе распространенный типъ

устава, которому слѣдовали и патриаршіе монастыри, и мірскія церкви, какъ видно изъ типика патр. Алексѣя, который принялъ за основаніе своего изложенія практику студійскаго монастыря, заимствовавъ при этомъ кое что изъ типика Великой церкви и кое что заимъивъ и дополнивъ согласно съ условіями монастыря, имъ основаннаго. Но уже въ концѣ XI вѣка на востокъ начинается сильно заявлять свои права уставъ іерусалимскій. Никонъ Черногорець постоянно принимаетъ его въ соображеніе при рѣшеніи литургическихъ вопросовъ, ставитъ между типиками великихъ монастырей и говоритъ о его распространеніи въ антиохійскомъ патриархатѣ. Спустя около полу столѣтія, мы встрѣчаемся въ Константинополѣ съ уставомъ императрицы Ирины, который она дала основанному ею женскому монастырю (1114 г.) Благодатной (*Μονή τῆς κωνσταντινουπόλεως* — благовѣщенія). Въ сожалѣнію, въ немъ идетъ рѣчь о дисциплинарныхъ порядкахъ, а объ уставѣ службы говорится очень мало; но изъ того, что извѣстно и изъ этихъ краткихъ указаній, уже видно, что въ него вошли нѣкоторыя особенности службы, свойственныя уставу іерусалимскому; напр. о всеобщихъ и часахъ. Еще замѣтнѣе сказываются эти черты въ уставѣ (опять дисциплинарномъ) Саввы Сербскаго (нач. XIII в.), данномъ Хиландарскому монастырю. И тотъ и другой представляютъ одинъ типъ и изложены въ одномъ порядкѣ, а по мѣстамъ даже сходны дословно. Впоследствии по тому же образцу былъ составленъ и ктиторскій уставъ для монастыря, основаннаго Михаиломъ Аталіотомъ. О Саввѣ Сербскомъ извѣстно, что онъ нѣсколько разъ путешествовалъ въ Іерусалимъ къ святымъ мѣстамъ и, какъ самъ говоритъ, старался подражать тамошнимъ церковнымъ порядкамъ. Въ его уставѣ есть ясныя намеки на заим-

ствованіи изъ типика іерусалимскаго, или лучше сказать, изъ той его редакціи, которая была въ то время принята на Аѳонѣ и отличалась отъ іерусалимской въ правилахъ о постѣ и въ службѣ первой и послѣдней его недѣли. Такъ, въ главѣ о бдѣніяхъ (гл. 8) говорится: „бдѣнія да бывають въ недѣли и владычнія праздники и въ памяти прочихъ великихъ святыхъ, о нижше синаксарѣ научитъ.“ Но въ синаксарѣ студійскаго устава ни слова не говорится о всеобщихъ бдѣніяхъ, и ссылка на нихъ сама собою указываетъ, что въ то время на Аѳонѣ существовали иныя записи устава, отличныя отъ студійскихъ.

Такимъ образомъ, основанія іерусалимскаго устава въ XII—XIII вѣкѣ были уже приняты на Аѳонѣ и отсюда заимствованы Саввою въ его хиландарскій типикъ; а это въ свою очередь показываетъ, что краткая запись студійскаго устава, (*ὑποτύπωσις τῆς καταστάσεως τῆς μονῆς τῆς студίου*) введенная Аѳанасіемъ Аѳонскимъ въ его лавру, не имѣла будущности, и въ XII вѣкѣ уже уступила мѣсто практикѣ аѳоно-палестинской. Георгій Мтацминдели, одинъ изъ настоятелей Иверскаго монастыря (+ 1072 г.), перевелъ на грузинскій языкъ уставъ Саввы Освященнаго (Аѳонъ. Порф. I. 195).

Отъ конца XIII вѣка мы имѣемъ уже полную запись іерусалимскаго устава, находившуюся въ употребленіи въ монастырѣ св. Авксентія, близъ Константинополя. Рукопись эта была изготовлена трудами одного монаха этой обители и, какъ значится въ предисловіи, пожертвована въ Ватопедскій монастырь архимандритомъ на поминъ души. Въ виду нападеній, дѣлаемыхъ на эту запись и отрицанія ея принадлежности къ тексту устава, скажемъ, что для нашихъ выводовъ то или другое рѣшеніе не будетъ важно, потому что въ Румянцевскомъ музеѣ есть списокъ іерусалимскаго устава того же вѣка и той

же самой редакціи. Въ началѣ XIV вѣка уставъ этотъ не только былъ введенъ въ употребленіе, но и признанъ авторитетомъ патріарховъ едва ли не всего востока. Когда сербскій архіепископъ Никодимъ, исполняя волю перво-пастыря сербскаго Саввы, рѣшился ввести у себя полный церковный уставъ, онъ обратился за приобрѣтеніемъ его въ Константинополь, выписалъ черезъ своего посланца списокъ іерусалимскаго типика „я преложилъ его въ свой языкъ отъ писменъ греческаго языка“. Это было въ 1319 году. Но еще нѣсколько раньше, въ бытность игуменомъ хиландарскимъ, Никодимъ отправлялся въ Константинополь, по поводу бывшихъ тогда династическихъ усобицъ въ Сербіи, и тамъ видѣлъ уставъ трудолюбивый тѣхъ мужей (патріарховъ -- константинопольскаго, іерусалимскаго, антиохійскаго), „державшихъ типикъ по обычаю св. града Іерусалима по уставу св. Саввы пустынножителя“. Замѣчательно, что онъ получаетъ этотъ уставъ изъ монастыря „святаго предтечи и крестителя Іоанна“. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь разумѣется монастырь студійскій, а если это такъ, то роль студійскаго устава закончилась на самой его родинѣ, и онъ уступилъ свое мѣсто другому.

Такимъ образомъ, въ XIV вѣкѣ положеніе іерусалимскаго устава окончательно упрочилось, и онъ былъ принятъ на всемъ востокѣ и у южныхъ Славянъ. Но въ Россіи господство его начинается позже, и мы по крайней мѣрѣ цѣлымъ столѣтіемъ отставали въ этомъ отношеніи отъ Востока. Первые списки славянскаго устава, бывшаго въ употребленіи нашей церкви, относятся къ послѣдней половинѣ XIV вѣка и носятъ на себѣ слѣды сербизмовъ, указывающихъ на заимствованіе его отъ южныхъ славянъ, а первый изъ извѣстныхъ русскихъ переводовъ появи-

ся въ самомъ началѣ XV вѣка и принадлежитъ Леонасію высотскому. На практикѣ эта отсталость имѣла послѣдствія очень невыгодныя. Мы находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и получали отъ него богослужебныя книги, но эти послѣднія, какъ извѣстно, подчиняются уставу, какъ своему регулятору, и перемѣны въ области послѣдняго неминуемо сказываются на обработкѣ и стрѣхъ отдѣльных служебныхъ книгъ. Выходило такъ, что эти вновь получаемыя книги, какъ редижированныя по іерусалимскому уставу, не сходились съ дѣйствовавшимъ у насъ студійскимъ типомъ и становились въ противорѣчіе съ установившеюся практикою службы. Заходили эти перемѣны и путемъ живыхъ сношеній, какъ особые литургическіе обычаи, принятые на Востоку, но несходные съ нашими. Въслѣдствіе этого возбуждались вопросы и недоумѣнія, за разрѣшеніемъ которыхъ наши церковныя власти обращались къ патріархамъ и вообще свѣдущимъ лицамъ. Такъ Θεогность сарайскій отъ имени русскаго митрополита предлагаетъ на патріаршемъ соборѣ рядъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые прямо возникали изъ несходства тогдашняго греческаго устава съ нашею студійскою практикою. Напр., слѣдуетъ ли служить въ среду и пятницу на сырной недѣлѣ, также въ великую пятницу, преждеосвященную службу или нѣтъ? Мы, слѣдуя студійскому уставу, продолжали въ эти дни служить обѣдню, но на Востоку этотъ обычай уже былъ оставленъ. Понятно, что такими одиночными палліативными мѣрами общаго затрудненія рѣшить было нельзя, потому что неудобно же было на каждый подобный случай дожидаться отвѣта издалека, да подобныя официальные рѣшенія никоимъ образомъ не могли исправить сотни и тысячи рукописныхъ уставовъ, тріодей и служебниковъ, по

которымъ велась служба. Надобно было подумать о соглашеніи нашихъ церковныхъ книгъ съ движеніями устава на Востокъ и прежде всего дать русской церкви этотъ новый уставъ, ввести его въ практику и согласить съ нимъ тогдашнія служебныя книги. Рѣшенію этой задачи много содѣйствовалъ митроп. Киприанъ. Повидимому, онъ хорошо сознавалъ практическія невыгоды подобнаго положенія дѣлъ и хотѣлъ помочь ему ознакомленіемъ Руси съ современнымъ греческимъ обрядомъ и перенести его на русскую почву. Къ сожалѣнію, ему не пришлось рѣшить вполне этой задачи и стать на высоту современныхъ церковныхъ требованій. Не видно ни отсюда, чтобы онъ далъ этотъ новый уставъ русской церкви, или утвердилъ его своимъ авторитетомъ. Заботясь объ установленіи однообразія въ текстѣ служебныхъ книгъ, онъ не произвелъ дѣльнаго исправленія, согласно съ ихъ редакціею на Востокъ, а ограничился одиночными опытами въ этомъ родѣ, на сколько было въ силахъ одного человѣка. Будучи въ своемъ родѣ любодѣтельною пчелою, выражаясь словами предисловія къ іерусалимскому уставу, онъ изъ Константинополя беретъ синодикъ, который чтутъ въ Софій переградской, и переводитъ молитвы и каноны патріарха Филоея; изъ болгарскихъ требниковъ заимствуетъ уставъ литургіи, вводитъ его въ употребленіе на Москвѣ въ своемъ служебникѣ и пересылаетъ Псковичамъ; въ студійскомъ монастырѣ переписываетъ глѣвницу, а въ свою псалтирь вноситъ аеонскіе обычай (напр. чинъ панагіи, канонъ Григорія Синаита), словомъ, перенимаетъ отсюду самыя живныя новости литургическаго дѣла. Но при такой отрывочной работѣ, результаты ея оказались неполными, и желаемое однообразіе въ текстѣ книгъ и формѣ обряда осталось „*primum desiderium*“. Не смотря на исправленный слу-

жебникъ, на пересмотрѣнные чины таинства, которыми были снабжены Псковичи черезъ попа Харитона, вопросы, съ которыми считался Киприанъ въ письмѣ къ Афанасію и въ пастырскихъ своихъ посланіяхъ, на практикѣ не были порѣшены, и Фотій спустя 10—20 лѣтъ, былъ принужденъ повторять рѣшенія Кипріана по поводу тѣхъ же вопросовъ, съ которыми имѣлъ дѣло послѣдній. Если Псковичи продолжали по прежнему держаться обливательнаго крещенія, ѣли наканунѣ Богоявленія и въ день Успенія мясо, служили въ великую субботу мееимонъ, это не было съ ихъ стороны, что называется злоупотребленіемъ, но происходило отъ затруднительности *благоупотребленія* при существованіи двухъ источниковъ практики, или лучше сказать въ томъ случаѣ, когда наибольшее число источниковъ говорило въ пользу прежняго, а не новаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Чтобы стать на путь благоупотребленія, имъ нужно было забыть прежніе обычаи, отказаться отъ наличныхъ служебныхъ книгъ и вопреки ихъ тексту, вопреки установившемуся порядку, вести дѣло по указаніямъ пастырскаго посланія. Но невозможно было сразу достигнуть этой перемѣны: нужно было подождать, когда старая редакція требниковъ и уставовъ будетъ замѣнена новою. И дѣйствительно, когда это случилось, прекратились и недоразумѣнія.

О Митрополитѣ Кипріанѣ у насъ было писано довольно въ общихъ курсахъ церковной исторіи и отдѣльныхъ монографіяхъ. Но полной, критической оцѣнки его литургической дѣятельности, его отношеній къ тогдашнему обряду на Востокѣ, не сдѣлано ни въ одной, точно также какъ не показало, какими источниками онъ пользовался при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ тогдашней церковной практики и что новаго внесено имъ было въ составъ нашихъ бого-

служебныхъ книгъ. А между тѣмъ этою то дѣятельностію и заявилъ себя преимущественно Киприанъ, посвятивъ ей большую часть своей жизни. Болѣе подробное и обстоятельное изложеніе его литургическихъ трудовъ сдѣлано въ Исторіи Р. Церкви Высокопреосвящ. Макарія ч. IV и въ статьѣ: Правила Митрополита Кипріана, въ Православномъ Соборѣ. 1865 ч. II, а подробное описаніе и основательный анализъ его служебника и требника — въ Описаніи рукоп. Синод. Библ. т. III. Болѣе правильный текстъ его посланій изданъ въ Русской Исторической Библіотекѣ (Изданіе Археогр. Комм. 1880 г.)

Служебникъ Митрополита Кипріана.

Этотъ служебникъ, по составу своему, есть ничто иное, какъ сокращенный евхологіи, или такая церковно-служебная книга, въ которой совмѣщаются молитвы и послѣдованія, входящія теперь въ составъ служебника и требника. Теперешній типъ служебника образовался не раньше XVII вѣка, и раздѣленіе между нимъ и требникомъ устанавливается съ печатныхъ изданій. До тѣхъ же поръ между служебникомъ и требникомъ не проведено было строгой грани различія и не принято особаго названія. VIII-я книга Апост. Постановленій можетъ служить древнѣйшимъ образцомъ такого смѣшаннаго сборника, въ который вошло изложеніе литургій и послѣдованіе таинствъ вмѣстѣ съ молитвами и обрядами на разные случаи. Въ такомъ же видѣ представляются евхологіи по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Едва ли не каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенности въ составѣ и разности въ расположеніи служебнаго матеріала, начиная кратчайшими

записями съ изложеніемъ одной литургіи и кончая такими полными сборниками, какъ требники XIV — XV в. заключающіе до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія ¹⁾. Служебникъ Кипрі-

¹⁾ Этому разнообразію состава соотвѣтствуютъ и разныя названія, подъ которыми были извѣстны служебникъ и требникъ у древнихъ греческихъ и славянскихъ писателей. Больше употребительное изъ нихъ есть „Еυχολόγιον“, по славянски „молитвенникъ“. Въ описи перковнаго имущества монастыря Ксандургу (1148 г.) упоминается въ числѣ книгъ „Еυχολόγιον βιβλ. σαρον ἀρχιρρητοῦ...“ (Акты Пастел. монаст. стр. 50). Въ описи имущества монастыря св. Пантелеймона (1232): οὐκωήτος δικαίνος, ψαλτήριον, Εὐχολόγιον, ἐσαγγέλιον, κοντάκιον, τριώδιον, προφητικόν, μεγαλόν, τοπικόν, διαγνώστικόν πεντηκοστάριον. (Acta patr. IV p. 56). Тоже названіе встрѣчается и въ записаннѣмъ игумена Герасима, изданномъ Монфокономъ. (Palaeogr. gr. p. 404). Это названіе перешло и въ славянскую терминологию. Въ синод. уставѣ XII в. № 830 (л. 198) молитву, произносимую священникомъ передъ обѣдомъ „Господи Боже нашъ небесный, и животворящій хлѣбъ“ указывается писать въ еухологін. У Никона Черногорца (Тавт. сл. 14) молитва разрешительная послѣ исповѣди заключается „въ молитвенницѣ“. Тамъ же, по его словамъ, находились молитвы крещенія и монашескаго пострига (сл. 16). Въ слав. Корч. 1282 г. (рукоп. Синодальн. библиот. № 182) говорится „Бгда ѿстоитъ нососѣишии конѣ. отрокъ свои. оу скоромъ чрѣни. шмо ше обмыаи кста. сѣиъ ѿноушамъ и къ вероуцетамъ кмоу чрѣни на- шадатъ ддсть кмоу ѿ роуноу скомоу млтѣники“. Въ отбѣтахъ на вопросы Киріа молитвы при крещеніи и миропомазаніи „поцъ въ молитвенницѣ кажетъ“. Ипат. глгописъ, говоря о пожертвованіяхъ Владиміра Васильковича Волынскаго въ построенныя имъ церкви, упоминаетъ: „и молитвенникъ да“. Для знакомства съ составомъ этой служебной книги, замѣчательно слѣдующее прибавленіе: списа же и служебникъ св. Георгію и молитвы вечерни и утрени особъ молитвенника. Молитвенникъ же купи въ протопопиноіе пда на немъ 8 гривень куць. Въ составѣ молитвенника заключался и служебникъ съ молитвами священника на вечернѣ и утренѣ. Владиміръ Волынскій списываетъ ихъ отдѣльно. Греческія и славянскія рукописи съ изложеніемъ литургій и службъ требника болѣею частію не имѣютъ особой надписи и начинаются обыкновенно „службой“ (т. е. литург.). Златоуста. Отсюда произошло и позднѣйшее названіе „служебникъ“, которому соотвѣтствуетъ греч. λειτουργάριον, или δίκαιον. Чаше же эти рукописи называются: молитвенникъ, молитовникъ. Напр. „Молитовникъ ѿ нѣхъ поумиланъ уи авторгин Іѡ Златоустаго. (Служебн. Имп. Пуб. Библи. 1342 г. Срезн. Древн. пам. писма 245) Треби. Слбл. Воскр. монастыря № 7, 1380 г. называется „молитвенникомъ“ аже святги отци выложима Василій, Григорій, Іеванъ Златоустий. (Амф. Арх. Опис. Библи. Воскр. мон. стр. 10.